

вие их переселения в другие районы и образования новых очагов экономической деятельности хозяйство, связанное с прежним местожительством указанных крестьян, не только сохраняло фискальное значение, как у немущих проскафименов, но и продолжало свое экономическое развитие. У таких проскафименов складывались два (или, может быть, более) центра хозяйственной деятельности.

Крестьяне, у которых отсутствовало недвижимое имущество, но имелся тягловый скот, перемещаясь на территорию другой общины, фактически могли, подобно полностью немущим, целиком порвать со своим прежним хозяйством и превратиться в арендаторов земли того же собственника¹⁵, от которого они и первоначально зависели, или же в арендатора, или парика иного собственника. В последнем случае они становились ксенопариками или дважды париками¹⁶, но для прежнего собственника оставались париками, обязанными всеми парическими повинностями, несмотря на то что семья парика уже не проживала на том месте, по которому она (во всяком случае, некоторое время) продолжала числиться в государственных кадастрах как налогоплательщица.

Таким образом, вследствие перемещения либо появлялись новые центры хозяйств зависимых крестьян, тогда как старые сохраняли лишь фискальное значение, либо возникало несколько таких параллельно функционирующих центров. Подобные явления определяли существо сложной перестройки отношений крестьянского землепользования, которая характерна для Византии XIV—XV вв. Эта перестройка состояла в падении социально-экономической роли собственно парического хозяйства старого типа, т. е. хозяйства, которое сосредоточивалось на крестьянской стаси, расположенной вблизи домов (а не за пределами хорона), было обязано уплатой государственных налогов и выполнением ряда характерных парических повинностей (барщина, натуральные сборы). Преимущественную роль стали играть хозяйства на арендованной земле и хозяйственные центры, возникшие за пределами деревни. Причиной названной перестройки, происходившей благодаря миграционным процессам, было то, что большинство зависимых крестьян в рассматриваемый хронологический период или имело незначительные наделы пахотной земли, или вообще не имело пахотной надельной земли на парическом праве. В то же время многие из тех, кто не располагал пахотной землей, имели тягловый скот. Сочетание двух названных факторов (отсутствие надельной пахотной земли и наличие тяглового скота) при условии, что прикрепленные к тяглу крестьяне могли свободно перемещаться по территории близлежащих поселений, приводило к распространению аренды ими пахотной земли.

Интерпретация косвенных сведений о переселениях зависимых крестьян, т. е. данных о наличии нескольких центров крестьянского хозяйства, позволяет высказать предположение о том, что в некоторых случаях переселялись члены крестьянской семьи, тогда как ее глава оставался в прежнем владении. Именно поэтому подобные переселения, возможно, и не зафиксированы в практиках.

Употребление в них для обозначения зависимых крестьян наряду с наименованием парики также таких выражений, как апор, птох, люди и др., является, очевидно, косвенным свидетельством потенциальной неустойчивости социального слоя париков. В рассматриваемый период консолидация крестьянского сословия происходила отнюдь не в результате повышения социально-экономической роли парикии. Напротив, эта

¹⁵ Lemerle P. *Agrarian History*. . . P. 38, 206; *Svoronos, N. Le domaine de Lavra sous les Paléologues*. P. 162, 167; *Actes de Lavra*, II, N 71. P. 10, 70; III, N 123. P. 25, 133; *Actes de Chilandar* / Publ. par L. Petit et B. Korabiev. Première partie. *Actes grecs* // ВВ, 1911. 17. Прил. I, № 92; ММ, IV. P. 145, 18, 218, 8. 220, 1; *Angold M. A. Byzantine Government in Exile. Government and Society under the Laskarids of Nicaea (1204—1261)*. L., 1975. P. 141.

¹⁶ *Lavra*, III, N 118. P. 6, 100, 117; *Хвостова К. В. Судьбы парикии и особенности налогообложения в Византии XIV в.* // ВВ, 1978. 39.